

V. ЛИТЕРАТУРА

Несмотря на общий упадок русской культуры в эпоху татаро-монгольского ига, нить литературного развития ни разу не прерывалась. Традиции литературы киевского периода жили в Москве то притухая, то вспыхивая вновь, и сыграли решающую роль в идеологической подготовке создания русского национального государства. Даже в самые тяжёлые для Руси годы литературная работа продолжала теплиться по различным городам и, замирая в одном городе, подхватывалась в другом.

В исходе XIV в. Москва постепенно становится крупнейшим средоточием литературных сил, ещё раньше, чем она стала средоточием русской государственности. Конец XIV и первая половина XV в. были временем идеологической подготовки создания русского национального государства. Возрождение всех сил русского общества, его культурных традиций шло под знаком восстановления произведений времени национальной независимости. Куликовская битва, роль которой в этом возрождении была подобна роли Полтавской победы, была настоящей вдохновительницей этой эпохи. Не случайно, что именно вокруг неё создаются лучшие литературные произведения того времени.

В поисках героического стиля для этой темы книжники Москвы обращаются к Слову о полку Игореве и к народной поэзии.

Вместе с тем со всё более и более нарастающей силой русская литература пронизывается единой темой государственного и национального строительства. Ни одна литература народов Западной Европы никогда не была так властно подчинена задачам растущей государственности, как литература русская. В этом её пафос и величие.

XIV век отмечен возрождением письменности и литературы в ряде славянских стран. Литературный подъём намечается и в Сербии, и в особенности в Болгарии, где рост письменности сопутствует росту политического могущества при царе Иоанне-Александре. На Руси усиленное развитие письменности было следствием возвышения Москвы.

Во всех трёх странах — на Руси, в Сербии и в Болгарии, поддерживавших между собою тесное культурное общение, возникает своеобразное и единое литературное направление, отразившее собою общий народный подъём славянских народов. Вырабатывается жанр витиеватых и пышных «похвал», первоначально обращённых к славянским святым, покровительствовавшим победам соотечественников. В Болгарии эти первые похвалы составляются Иоанну Рыльскому и Илариону Могленскому; в России одно из первых произведений этого нового литературного течения посвящено великому организатору Куликовской победы — Дмитрию Донскому (слово «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»). Наконец, новый стиль резко сказывается в переводах именно исторических произведений (в хронике Манассии, в «Троянской притче» и др.), интерес к которым неизменно растёт с общим подъёмом национального самосознания русского народа.

Новое литературное движение выработало литературные вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений двух ближайших столетий. Это движение было чрезвычайно сложным. Оно было связано с идеями эпохи Предвозрождения, с пробудившимся интересом к человеческой личности, с начавшимися в XIV в. в Византии усиленными занятиями классической древностью и с филологической учёностью своего времени. Новое литературное направление опиралось на особые работы по грамматике, по стилистике, по выработке сложной книжной литературной речи. Оно было связано с попытками унифицировать орфографию, самый почерк рукописей и с громадной переводческой работой: на славянские языки делаются многочисленные переводы с греческого, пересматриваются и исправляются старые переводы.

В результате всей этой огромной совместной работы славянских учёных были выработаны литературные прин-

щины, способные передать пышность, торжественность тем и подъём чувств своего времени. Последователи нового литературного направления сосредоточивают своё внимание по преимуществу на стиле, на сложных синтаксических конструкциях речи, на закруглённости и ритмичности языка. Искусственные книжные предложения с причастными оборотами, инверсиями и т. д. переполняют собою литературную речь этой поры. Существенное значение приобретает самое звучание фразы: произведения очень часто пишутся для произнесения вслух в торжественной обстановке. Писатели стремятся к созданию новых слов со сложными отвлечёнными значениями, пользуются перифразами, заменяющими прямое название вещи описательным, вводят слова иностранных языков, сложные богословские и учёные термины, многосоставные слова: «окорадостной», «тяжкоумный», «звероименный», «духодвижный», «многомутный» и т. д. Особенно охотно писатели этой поры стремятся передать греческие конструкции фраз и зачастую дают буквальные переводы многосоставных греческих слов.

Литература становится риторичной. Авторы ораторствуют в своих произведениях, предпосылают им пространные введения, прерывают повествование нравоучительными замечаниями, восклицаниями, вкладывают в уста действующих лиц длинные речи и т. д.

Новая литературная школа привела к усиленному развитию литературного языка, к усложнению синтаксиса, к появлению многих новых слов, в особенности для выражения отвлечённых понятий. В этом росте русского литературного языка стираются местные, областные различия и создаётся конкретная почва для объединения всей русской литературы. С трудами представителей нового литературного направления литература и книжность окончательно теряют черты феодально-областной ограниченности и приобретают общенародный русский характер.

Вместе с тем в новой литературной школе проявляются первые проблески идей и настроений Предвозрождения. Интерес к человеческой личности, к её переживаниям и психологии, типичный для писателей Предвозрождения, даёт себя чувствовать в новых произведениях XIV—XV вв. Писатели этой поры считают необходимым давать внутреннюю психологическую мотивировку действий своих героев. В длинных вымышленных речах действующие лица раскрывают перед читателем своё душевное состояние.

Сама биография святого (его «житие») рассматривается как история его внутреннего развития.

Наконец, важной особенностью новой литературной школы явился своеобразный сентиментализм. Произведения почти всегда рассчитаны на создание известного настроения. Отсюда многочисленные повторения «умилительных» мест, обычно шаблонных, переходящих из произведения в произведение. Отсюда обилие в произведениях этой поры плачей, частых молитвенных обращений, трогательных сцен прощания перед смертью, описаний дружбы, привязанностей, картин идиллической простоты скитской жизни и т. д. Этот условный психологизм и сентиментализм литературы конца XIV — начала XV в. тесно связан с аналогичным явлением в области русской живописи той же эпохи. Условная психологичность образов живописи Феофана Грека явилась выражением тех же предвозрожденческих идей, что и «психологичность» новой литературной школы. «Умильности» московской литературы начала XV в. соответствует «умиленность» произведений величайшего живописца русского средневековья — Андрея Рублёва.

Среди книжных людей начала XV в., связанных с новой литературной школой, выделяется оригинальная творческая индивидуальность русского монаха Епифания, прозванного за свою начитанность и литературное умение «Премудрым». Епифаний долго путешествовал на Востоке, прекрасно знал греческий, а возможно, и другие языки.

Начитанность Епифания, отразившаяся в его сочинениях, поразительна. Епифаний отлично знает произведения современной ему и прошлой церковно-учительной, богословской, житийной и исторической литературы. В составленных им «житиях» обильно включены сведения энциклопедического характера, рассуждения о пользе чтения книг, десятки географических названий, имён учёных и писателей. Учёность Епифания наглядно свидетельствует о высоком уровне образованности на Руси в начале XV в.

Цветистую ораторскую новую литературную манеру Епифаний довёл до пределов пышности. Нагромождение стилистических ухищрений иногда подавляет читателя. Для характеристики какого-нибудь качества действующего лица Епифаний подбирает сразу до двух десятков эпитетов, создаёт новые сложные слова и термины. Вместе с тем Епифаний достигает исключительного мастерства в лирических отступлениях, в создании ритмической прозы.

Однако, в отличие от южнославянских и завожих на Русь литературных талантов его эпохи (как, например, Пахомия Сербя), Епифаний проявляет значительный интерес к историческому элементу своих произведений, в чём отразился общий «историзм» русской средневековой литературы. Его послание о Феофане Греке богато фактическими данными, касающимися биографии и творчества художника. Также относительно богаты фактическими сведениями и два важнейших обширных произведения Епифания, посвящённые жизнеописанию двух крупнейших святых и политических деятелей второй половины XIV в.: Стефана Пермского и Сергия Радонежского.

В житии Сергия Епифаний говорит и об общественной деятельности святого, об его участии в делах государства; а в житии Стефана Пермского особенно хвалит последнего за просветительную деятельность и изобретение пермской (зырянской) азбуки.

2

Куликовская битва, принёсшая с собой общий народный подъём, вызвала большое число различных произведений: летописных, житийных, повествовательных, фольклорных. Четыре произведения одно за другим возникли в конце XIV — начале XV в. на основе песен и рассказов о «Мамаевщине».

Первоначально возникли две летописные повести о Куликовской битве: краткая и пространная. Затем, после смерти Дмитрия Донского (1389), создаётся слово «О житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Цель составления её — окружить ореолом святости род московских великих князей и тем способствовать укреплению его престижа. Она помогала идеологически закрепить уже достигнутые успехи московской политики. В пространной похвале, составленной в новой литературной манере, Дмитрий называется «высокопаривым орлом», «огнем, попяляющим нечестие», «ветром, плевели развеваяющим», «трубой спящим», «воеводой мирным», «венцом победе», «кораблем богатству» и т. д.

Разительной особенностью этого произведения явилось использование в нём народных причитаний. Плачу вдовы Донского — княгини Евдокии — были найдены в народной поэзии многочисленные и очень близкие параллели: «Солнце мое, рано заходиши, — плачет вдовая княгиня по

Дмитрии, — месяц мой красный, рано погибаеши, звездо восточная, почто к западу грядеши»; или: «старые вдовы, потешите меня, а младыя вдовы плачите со мною, вдовыя бо беда горчае всех людей».

Крупнейшее произведение начала XV в. о Куликовской битве — «Задонщина», названная так по месту битвы на Куликовом поле «за Доном».

Уже первые повести о Куликовской победе, возникшие вскоре после событий 1380 г., характеризуются поисками героического стиля, способного отобразить величие события, и поиски эти привели к лучшим произведениям домонгольской эпохи — эпохи национальной независимости: к произведениям Илариона, к народной поэзии, к Повести временных лет. В «Задонщине» этот героический стиль был найден: он явился как сочетание художественной манеры Слова о полку Игореве и народной поэзии. Автор «Задонщины» верно ощутил поэзию Слова о полку Игореве, не ограничившись только поверхностными заимствованиями, сумев изложить героические события Куликовской победы в той же художественной системе, в том же художественном замысле, создав произведение большой эстетической силы. По характеристике исследователя «Задонщины» С. К. Шамбинаго, все заимствования из Слова о полку Игореве сделаны в «Задонщине» «в высшей степени искусно, взяты в меру, помещены у места, служат умелым украшающим дополнением к весьма искусному произведению».

«Задонщина» по существу представляет собою обширное прославление русской победы. Прославление это соединяется в «Задонщине» с элегической печалью по павшим. По выражению автора «Задонщины» — это «жалость и похвала»: жалость по убитым, похвала живым. Моменты славы и восхваления удачно сочетаются в ней с мотивами элегических плачей, радость — с «тугой», грозные предчувствия — со счастливыми предзнаменованиями и т. д. Естественно, что для своего замысла автор «Задонщины» не мог найти лучшего образца, чем Слово о полку Игореве.

Однако использование Слова о полку Игореве сказывается не только в литературной манере автора «Задонщины». Обращение к Слову о полку Игореве стоит в связи с исторической концепцией «Задонщины», свидетельствует о чрезвычайной интенсивности исторической мысли начала XV в., о глубине и оригинальности художественного замысла «Задонщины». Автор «Задонщины» имел в виду не только использование художественных со-

кровищ величайшего произведения древней русской литературы, но вполне сознательное сопоставление самих событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в Слове о полку Игореве, с событиями современной ему действительности. С точки зрения автора «Задонщины», Слово о полку Игореве повествует о начале татаро-монгольского ига, кончившегося после Куликовской победы.

События «Слова» и события «Задонщины» во многом схожи между собой, но битва на Каяле противостоит битве на Дону как начало обширного периода чужеземного ига его концу. Начало и конец «жалости земли русской» (так называет автор «Задонщины» татаро-монгольское иго) во многом схожи, но во многом и противоположны. События сопоставляются и противопоставляются на всём протяжении «Задонщины». В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла «Задонщины», отразившей обычное в исторической мысли конца XIV — начала XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами как двух этапов единой, по существу, борьбы со степью, с «диким полем», за национальную независимость.

Центральный момент и в Слове о полку Игореве и в «Задонщине» — битва с «погаными». И в «Слове» и в «Задонщине» битва драматично развёрнута в двух эпизодах, но в «Задонщине» последовательность этих эпизодов обратна последовательности их в «Слове». В Слове о полку Игореве исход первой половины битвы счастливый, второй — печальный. В «Задонщине» наоборот: первая половина грозит разгромом русскому войску, вторая приносит ему победу. В Слове о полку Игореве грозные предзнаменования сопровождают поход *русских* войск — волки грозу сулят по оврагам, орлы клетком на кости зверей зовут, лисицы лают на багряные щиты русских. В «Задонщине» те же зловещие знамения сопутствуют походу *татарского* войска: птицы под облака летят, вороны часто грают, а галицы свою речь говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы на костях брешут.

В Слове о полку Игореве «дети бесови» (*т. е. половцы*) кликом поля перегородили; в «Задонщине» же *русские* сыны широкие поля кликом огородили.

В «Слове» черна земля под копытами была посеяна костями *русских*; в «Задонщине» же черна земля под копытами костями *татарскими* была посеяна.

В «Слове» кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» по *русской земле*; в «Задонщине» же восстала земля «*татарская*», бедами и «тугою» покрывшись.

В «Слове» *тоска* разлилась по русской земле; в «Задонщине» же по русской земле простёрлось *веселие* и *буйство*.

В «Слове» поганые приходили со всех сторон с победами на землю русскую; в «Задонщине» же сказано о татарах, что уныло царей их веселие и похвальба на русскую землю ходить.

В «Слове» готские красные девы звенят «*русским*» золотом; в «Задонщине» же русские жёны восплескали «*татарским*» золотом.

«Туга», разошедшаяся в Слове о полку Игореве после поражения по всей русской земле, сходит с неё в «Задонщине» после победы русских. То, что началось в «Слове», кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на русскую землю, в «Задонщине» обратилось на её врагов.

Особенно удачно противопоставление в «Задонщине» полдневного жаворонка «летней птицы, красных дней утехе» полному соловью в «Слове», противопоставление, отражающее общее светлое содержание «Задонщины» сравнительно с элегическим содержанием «Слова».

Начало того исторического периода, с которого русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Северского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце эпохи «туги и печали» чужеземного ига, о начале которой повествует Слово о полку Игореве.

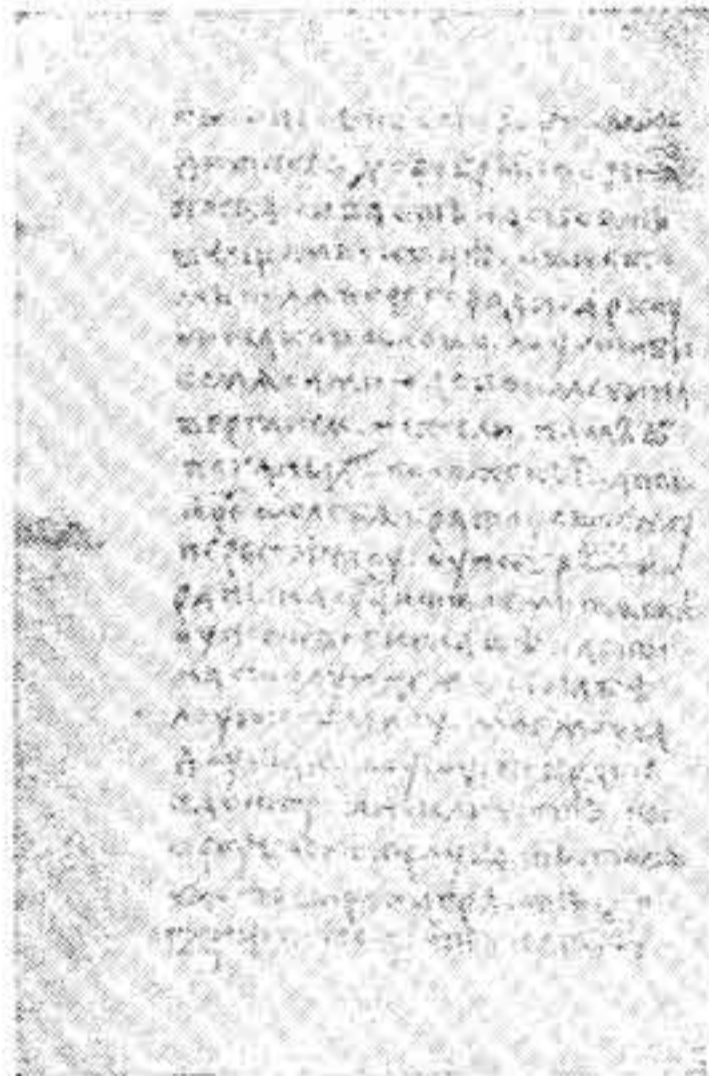
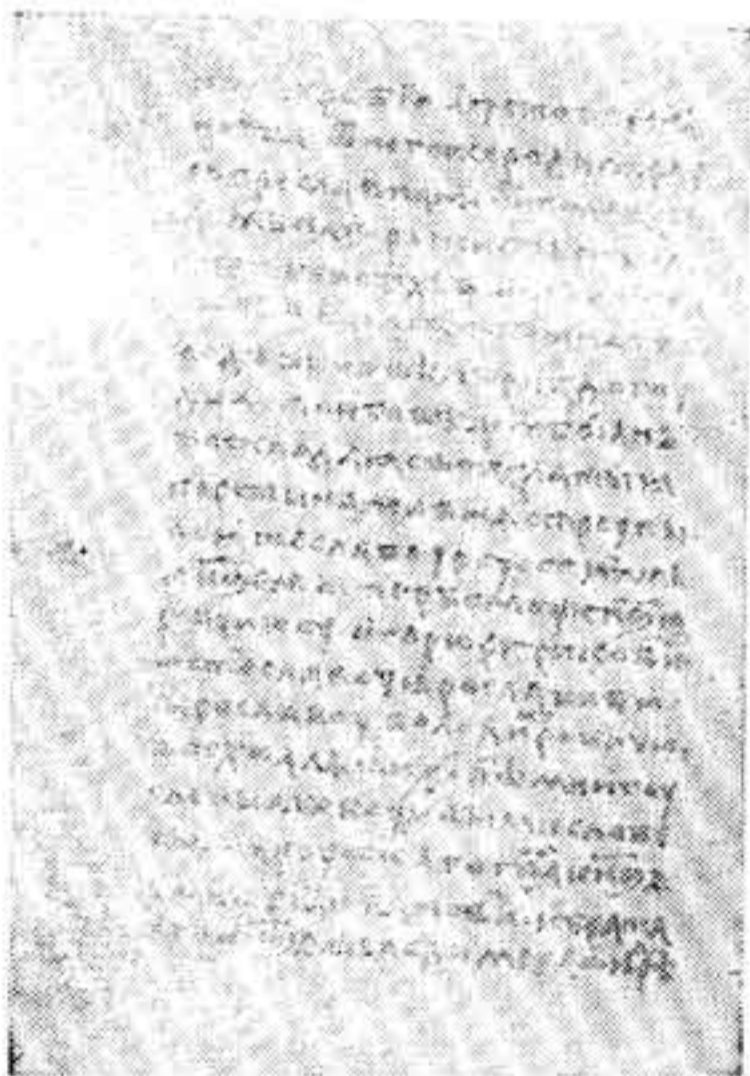
Центральная идея «Задонщины» — идея отплаты. Куликовская битва рассматривается в «Задонщине» как отплата за поражение, понесённое войсками князя Игоря на Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение на которой в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами. Вот почему в начале своего произведения автор «Задонщины» приглашает братьев, друзей и сынов русских собраться, составить слово к слову, возвеселить русскую землю и ввергнуть печаль на восточную страну, на страну исконных врагов русских — татаро-половецкую степь, провозгласить победу над Мамаем, воздать похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу.

Сопоставляя события прошлого с событиями своего времени, автор «Задонщины» тем самым ориентировал и

само Слово о полку Игореве на современность, придавал новое злободневное звучание его содержанию, давал новый смысл призывам Слова о полку Игореве к единению, во многом проделывая ту же работу, что и московские летописцы, введившие в обращение аналогичные идеи Повести временных лет. Идеи эти сыграли существенную роль в объединительной политике московских князей, в истории сложения русского национального государства.

Сложный художественный замысел «Задонщины» отчётливо свидетельствует о высокой литературной культуре

Рукопись «Задонщины» Кирилло-Белозерского монастыря 1473 г.

Москвы. Это замысел, в котором тонкая историческая мысль находит исключительно оригинальное художественное разрешение. Это произведение, написанное учёным для учёных же и литературно искушённых читателей.

В половине XV в. было создано ещё одно произведение на ту же тему, получившее чрезвычайное распространение на Руси в XV, XVI и XVII вв.: «Сказание о Мамаевом побоище». Оно неоднократно переделывалось впоследствии, и соотношение его редакций составляет один из самых сложных вопросов изучения древнерусской литературы.

Содержание событий подверглось здесь значительному очеркованию. Изложение прерывается нескончаемыми молитвословиями, морализированием, благочестивыми рассуждениями. Моральные оценки татар и русских усилены; краски даны слишком резко; контрасты увеличены. Победа изображена как неизбежная, отчего «Сказание» теряет в занимательности. Гордость и злоба татар резко противопоставлены смирению русских. Всё повествование окрашено типичным для XV в. сентиментализмом: оба брата — Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской — нежно любят друг друга и т. д. Художественные описания в «Сказании» заимствованы из «Задонщины», но образы Слова о полку Игореве потеряли уже свою связь с замыслом всего произведения в целом.

Ценность «Сказания» — в тех новых эпизодах, которые оно даёт сравнительно с предшествующими произведениями о Мамаевщине. В основе некоторых из них лежат, очевидно, заимствования из народной поэзии, из каких-то эпических народных произведений о Куликовской битве. Таков, например, эпизод единоборства монаха — богатыря Пересвета с татарским исполином. Таков и эпизод с гаданием: в тёплую и ясную ночь перед боем князь Дмитрий со спутником Дмитрием Волынцем выезжают в поле гадать по приметам о грядущей битве: они прислушиваются к земле, к крикам зверей и птиц, присматриваются к огням обоих станов.

3

Куликовская победа послужила толчком для создания ряда литературных произведений о борьбе с татарами. Тема борьбы с чужеземным игом становится излюбленной темой русской литературы. В XV в. перерабатываются в сложные литературные произведения многочисленные народные предания о борьбе с татарами, сохранившиеся в Твери, Рязани, Смоленске и в других русских городах.

В переработанном виде древние рязанские предания о татаро-монгольском нашествии сохранились в «Повести о приходе Батыевой рати на Рязань» второй половины XV в.

«Повесть» представляет собою соединение нескольких сказаний, более или менее разнохарактерных по содержанию и стилю. Она открывается сказанием «О приходе чудотворного Николина образа Зарайского», представляющим собой типичное сказание о местной святыне. Вторая

часть «Повести» рассказывает о происхождении названия города Зарайска и сразу вводит читателя в обстановку «Батыевой рати».

В 1237 г. рязанский князь Фёдор Юрьевич был убит «на реке на Вороняже» полчищами Батыя. Это была первая встреча русских с Батыевой ратью в пределах Рязанского княжества. Узнав о смерти своего мужа, княгиня Евпраксия бросилась с сыном «с превысокого терема» и «заразися до смерти». Место это и было названо «Зарайском».

В следующей за сказанием «Повести о разорении Рязани» рассказ о Фёдоре Юрьевиче Рязанском приводится с некоторыми изменениями, возможно, фольклорного происхождения. Во время переговоров с Фёдором Юрьевичем Батый, по наущению своего приближённого, рассказавшего ему о красоте жены русского князя, требует от последнего, чтобы тот выдал её ему на ложе. Князь, усмехнувшись, ответил: «не пристойно нам водить своих жен на блуд к нечестивому царю; одолеешь, так начнешь владеть женами». Батый приказал убить Фёдора Юрьевича, а тело его бросить на растерзание зверям и птицам. Затем повторяется рассказ о трагической гибели Евпраксии, не захотевшей пережить мужа.

Дальнейшее содержание повести также изобилует народно-песенными мотивами и, очевидно, возникло на основе каких-то эпических преданий. Удальцы и резвцы рязанские, сражаясь, пересаживаются с коней на кони, хватают татарское оружие, когда притупляется своё, разрубают врагов до седла, бьются «един с тысящею, а два с тмою» (т. е. с десятью тысячами). Татары дивятся их мужеству. В отличие от предшествующих сказаний огромная роль в героических событиях отводится горожанам и дружине. Рязанские воины на всём протяжении повести называются то «удальцы и резвцы, узорочье и воспитание рязанское», то «богатство рязанское», то «узорочье нарочитое», то «воеводы крепкие» и т. д. Между князем и дружиной существуют отношения полного единолушия. Князь ласково обращается к своей дружине: «братие моя милая, дружина ласкова, узорочье и воспитание рязанское».

Рязань защищают простые горожане. Героизм осаждённых подчёркивается тем, что «батыево же войско преме-няшеса, а гражане непременно бяхуся». Вместе с тем повесть осуждает русских князей за то, что «ни един» из них «друг другу не поиде на помощь».

Жестокие пытки и беспощадное истребление, которым подверг Батый население Рязанской земли, подчёркивают в повести мужество сопротивления. «Дым и земля и пепел» остались после прохода полчищ Батыя. Страшный разгром показан описанием разорённой Рязани и поля битвы, где «на земле песте, на траве ковыле снегом и ледом померзоша», терзаемые зверями и птицами, лежали «многие князи местные и бояре и воеводы и все воинство и крепкие многие удалцы и резвцы, узорочье и воспитание рязанское». Образ общей смертной чаши как рефрен настойчиво повторяется в повести. О смертной чаше, испить которую пришёл перед битвой черёд князю и дружине, говорят перед боем князь: образ смертной чаши доминирует в плачах; он развивается в образ боя-пира; им подчёркивается равенство всех: «и не оста в граде ни един живых, — говорится о Рязани, — вси *равно* умроша, и *едину* чашу смертную пиша. Несть бо ту ни стонюша, ни плачуша. И ни осцу (отцу) и матери о чадах, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но *вси вкупе* мертвы лежаща». Поэзия псалмов, вводимая путём цитат, усиливает впечатление трагизма.

Один из эпизодов повести целиком обязан своим происхождением фольклору. Рязанец «неистовый Еупатий», «исполил силою», во время прихода Батыя случайно оказался в Чернигове вместе со своим князем Ингварем Ингоревичем. Услышав о приходе Батыя, Евпатий «с малою дружиною» вернулся в Рязань «и увиде град разорен, государи побиты, и множество народа лежаще, ови побити и посечени, а инии позжены, инии в рече истоплены», распалился «в сердце своем», собрал небольшую дружину из тех, «которых бог соблюде», и погнался вслед за Батыем, «хотяще пити смертную чашу с своими государьми равно». Нагнав Батыя в Суздальской земле, Евпатий внезапно напал на его станы и начал сечь татар без милости. Когда тупился меч в руках у Евпатия, он брал татарские. Смятенные татары стояли «яко пьяни», думая, что восстали мёртвые. Едва смогли татары поймать из рати Евпатия пять человек, «изнемогших от великих ран». По-былинному спрашивает их Батый: «Коя веры есте и коя земля и что мне много зла творите» и по-былинному отвечают ему рязанцы: «веры крестиянския есве, храбры (богатыри) великаго князя Юрья Ингоревича Рязанского, а от полку Еупатиева Коловрата, посланы от князя Ингваря Ингоревича Рязанскаго тебя сильна царя

почтити и честно проводитьи, и честь тебе воздати, да не подиви царю не успевати наливати чашу на великую силу рать татарскую». «Царь же подивися ответу их мудрому».

Шурин Батыя Хостоврул похвалился Евпатия «жива пред царя привести». Евпатий рассек Хостоврула «на полы до седла и начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекше, а иных до седла крояше». Убить Евпатия татарам удалось лишь из метательных машин — «сточисленных пороков». Тело Евпатия принесли Батыю, который тотчас послал «по мурзы, и по князи, и по санчакбеи, и начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству рязанскому господству». «Мы со многими цари во многих землях на многих брапех бывали, — говорили татары, — а таких удальцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылати и не имеющие смерти». Выдав тело Евпатия остаткам его дружины, Батый так о нём отзывается: «Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего».

К тому же типу литературных произведений второй половины XV в. о борьбе с татарщиной, представляющих собою переработку местных преданий, относится и «Повесть о Меркурии Смоленском». Повесть эта рассказывает о нападении Батыевой рати на Смоленск и о мужественной защите города юношей Меркурием. Как орёл, по воздуху летая, проносится Меркурий по полкам Батыя, посекая его войско. Одержимый страхом, Батый бежит от города. Разбив врагов и исполнив тем своё назначение в мире, Меркурий гибнет от меча «прекрасного воина» — ангела, отсекающего ему голову.

Во всех этих повестях XV в. о борьбе с татарами с необыкновенной силой сказывается твёрдая уверенность русских в своём моральном превосходстве над врагами: мужество и удаль русских воинов безграничны, лишь численный перевес может дать татарам победу.

4

Ко времени княжения Ивана III относится установление культа «покровителей московских государей» — Петра и Февронии муромских.

В 1446 г. в главном муромском соборе Рождества богоматери у гроба Петра и Февронии рязанский епископ Иона принял на свою епитрахиль с рук князя Ивана Рязанского детей великого князя Московского Василия

Тёмного — Юрия и Ивана (будущего Ивана III), гонимых Шемякою.

В связи с этим событием Пахомий Логофет составил канон Петру и Февронии, а впоследствии сам Иван III, его сын Василий III и внук Иван Грозный всячески чтили Петра и Февронию как своих «покровителей» и неоднократно приезжали в Муром на поклонение их гробу.

Замечательно, что повесть о Петре и Февронии отражает общие демократические и антибоярские устремления Русского государства конца XV—XVI вв. Вместе с тем изящно и неторопливо рассказанная история любви муромского князя Петра и простой мудрой крестьянской девушки Февронии, близкая и деталями и общим духом рыцарственной любви «до гроба» к известному старофранцузскому роману о Тристане и Изольде, свидетельствует о высокой культуре личных человеческих отношений в XV—XVI вв.

Первое появление в повести девушки Февронии запечатлено в зрительно отчётливом образе. Её находит в простой крестьянской избе посланец заболевшего злою болезнью князя Петра, отравленного ядовитой кровью убитого им змея. В бедном крестьянском платье Феврония сидела за ткацким станком и ткала полотно, а перед нею скакал заяц. Своими мудрыми ответами она изумляет посланца и обещает помочь князю. Сведущая в целебных снадобьях, Феврония излечивает Петра, как Изольда излечивает Тристана, заражённого кровью убитого им дракона.

Несмотря на препятствия, князь женится на крестьянской девушке Февронии. Как и любовь Тристана и Изольды, любовь Петра и Февронии преодолевает иерархические преграды феодального общества и не считается с мнением окружающих. Вассалы короля Марка также требуют изгнания Изольды, как бояре Петра — изгнания Февронии. Чванливые жёны бояр невзлюбили Февронию. Они наговаривают князю, что она бесчинно держит себя за столом, как нищая, собирая хлебные крохи. Но когда Петр разжимает руку Февронии, чтобы удостовериться в словах бояр, в ладони у неё оказываются благоуханный ладан и фимиам.

Снова требуют бояре, чтобы Феврония не господствовала над их жёнами. На пиру «одержимые неистовством» бояре просят Февронию покинуть Муром. Феврония не стала возражать, но в свою очередь просит бояр испол-

нить и её просьбу. Бояре с радостью согласились, и Феврония просит, чтобы с нею отпустили и её мужа — Петра. Пренебрегая своею княжескою властью, Пётр уплывает вместе с Феврониею вниз по Оке. На корабле Феврония поражает окружающих своею чудодейственностью: палки, воткнутые в землю, расцветают в деревья по её благословению и т. д.

Без Петра и Февронии в Муроме начинается междоусобная борьба бояр за власть. Отчаявшиеся бояре присылают к Петру и Февронии с просьбой вернуться в Муром. Пётр и Феврония возвратились и княжили в Муроме как чадолюбивые отец и мать, равно любя всех своих людей.

Когда Пётр и Феврония почувствовали приближение смерти, они стали просить у бога, чтобы умереть в одно время, и приготовили себе общий гроб, велев сделать в гробу лишь перегородку. После того они приняли монашество в разных монастырях. И вот, когда Феврония вышивала для храма богородицы «воздѹх» (покрышку для чаши), Петр послал ей сказать, что он умирает, и просил её умереть с ним вместе. Но Феврония просит дать ей срок дошить воздѹх. Вторично послал к ней Пётр, велев сказать: «уже мало пожду тебя». Наконец, посылая в третий раз, Пётр говорит ей: «уже хочу преставиться (умереть) и не жду тя». Тогда Феврония, которой осталось дошить лишь ризу святого, воткнула иглу в воздѹх, обвертела о неё нитку и послала сказать Петру, что готова умереть вместе с ним. Так Тристан оттягивает час своей кончины. «Срок близится, — говорит Тристан Изольде, — разве мы не испили с тобою все горе и всю радость. Срок близится. Когда он настанет, и я позову тебя, Изольда, придешь ли ты?» — «Зови меня, друг, — отвечает Изольда. — Ты знаешь, что я приду».

После смерти Петра и Февронии люди положили тела их в отдельные гробы, но на следующий день тела их оказались в общем, заранее приготовленном, гробу. Люди второй раз попытались разлучить Петра и Февронию, но снова тела их оказались вместе, и после этого их уже не смели разлучать. Так же точно в победе любви над смертью Тристан спускается на могилу Изольды цветущим терновником.¹

¹ В некоторых вариантах тела Тристана и Изольды оказываются в одном гробу.

Этим заканчивается трогательный рассказ о любви князя и крестьянки, которых не могли разлучить ни бояре, ни сама смерть.

5

Выход Русского государства во второй половине XV в. на мировую историческую арену и укрепление его международного положения отразились в русской литературе многочисленными произведениями, посвящёнными событиям истории иноземных государств, имевшим непосредственное или косвенное отношение к России. Помимо хронографов, излагавших мировую историю, во второй половине XV в. появляется обширная повесть о взятии Царьграда турками, повесть о Мутьянском воеводе Дракуле, различные сказания о Ферраро-Флорентийском соборе, описания путешествий на Афон, в Иерусалим, в Константинополь, во Флоренцию. Торговый человек — гость Василий оставил нам записки о своём путешествии в Иерусалим. Тверской купец Афанасий Никитин на 30 лет раньше Васко да Гама проник в Индию и составил замечательное описание своего «Хождения за три моря», включённое затем в летопись.

Распространённая в многочисленных списках, повесть о взятии Царьграда написана неким русским Нестором-Искандером, находившимся в плену у турок и бывшим свидетелем ожесточённой осады Константинополя в 1453 г. Повесть написана человеком высокой писательской культуры. Своею строфичностью, выраженной в делении на повторяющиеся эпизоды и картины, она напоминает Слово о полку Игореве. Отдельные эпизоды, по верному замечанию академика А. С. Орлова, заимствованы из средневековых переложений Илиады Гомера. Повесть проникнута повышенным лиризмом и насыщена пафосом героической борьбы мировой столицы за свою независимость. Описания подкопов, взрывов, страшных бомбардировок, ожесточённых приступов, богатырских схваток волновали своею близостью к тревожным русским военным событиям того времени, внушали сочувствие мужеству сопротивления греков, отвечали интересам русских читателей к воинским повестям.

Повесть о взятии Царьграда представляла интерес для русского читателя и своим политическим смыслом: русских интересовали причины внутренней слабости Византии, обусловившие её разгром. Русские видели эти причины в

потере чистоты религии, а с другой стороны — в бессилии византийского единодержавия. Известный публицист XVI в. Иван Пересветов, чьё «Сказание о царе турецком Махмете» было помещено в летописи непосредственно за Повестью о падении Царьграда, прямо говорит, что «вельможи царевы» ради личного обогащения продавали правосудие и мешали византийскому императору Константину ввести в государстве необходимые исправления.

Вместе с тем национальное самосознание России во второй половине XV в. уже настолько возросло, уверенность в своих жизненных силах настолько окрепла, что русские сознавали себя способными продолжить всемирно историческую роль Византии как второго Рима. Повесть о взятии Царьграда включала предсказание Льва Премудрого о грядущем освобождении Царьграда «русым» народом, в котором и автор Повести и русские её читатели усматривали русских.

6

Конец XV — начало XVI в. — время великих географических открытий. Это — время Христофора Колумба и Васко да Гама. Тот же интерес к открытию ещё не изведанных стран был характерен и для России. Русские «землепроходцы» ещё в XV в. проникли в Персию, в Сибирь и в Китай.

Особенно интенсивны были в конце XV в. поиски торгового пути в Индию — притягательный центр средневековья. Мечтою об «Индии богатой» жило всё европейское средневековое общество. В Западной Европе и на Руси бытовало много сказаний об Индии, о её богатствах, о её фантастическом идеальном государстве. Десятки предприимчивых людей стремились открыть путь в Индию. В Индию же пытался проникнуть и Христофор Колумб. Морской путь в Индию был открыт португальцем Васко да Гама в 1498—1502 гг. Однако ещё в 1466—1472 гг. тверской купец Афанасий Никитин, кратчайшим, сухим путём прошёл в Индию и оставил о ней деловитые и обстоятельные записки: «Хождение за три моря».

На основании небольшой заметки историко-изыскательного характера, которая обычно помещается в летописи перед записками Афанасия Никитина, и сведений, имеющих в самих записках, можно установить следующее: купец Афанасий Никитин выехал в 1466 г. из Москвы вместе с русским послом Василием Папиным в Шемаху.

Афанасий Никитин спустился вместе с посольством вниз по Волге до Астрахани, где один из его кораблей был захвачен разбойниками, а другой разбила буря у берегов Каспийского моря. Несмотря на потерю кораблей и товаров, Никитин с товарищами продолжал путешествие «голыми головами». Сухим путём Никитин добрался до Дербента, перебрался в Персию и морем проник в Индию. В Индии Афанасий пробыл три года и через турецкие земли (через Трапезунд) и Чёрное море вернулся в 1472 г. в Россию, но, не доезжая Смоленска, умер. Его записки («тетради») были доставлены купцами в Москву к дьяку великого князя Ивана III Василию Мамыреву и включены в летопись.

Персидские земли описаны Афанасием Никитиным кратко: повидимому, они были хорошо известны русским купцам и не представляли особого интереса для путешественника. В Чувиле (Чауле), куда Афанасий Никитин прибыл морем, он получил первые впечатления от Индии: люди ходят нагие, не покрывая ни головы, ни груди, волосы заплетают в одну косу. Князь их носит покрывало на голове и на бёдрах; бояре ходят с фатой на плече, а другой на бёдрах; слуги княжеские с фатой на бёдрах, со щитом и мечом в руках, а иные с копьями, с ножами или с луками и стрелами. Жонки не покрывают волос, ходят с голыми грудями, все голы, босы и чёрны: «яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся белому человеку».

Афанасий Никитин объездил всю Индию. Он побывал и в священном городе Индии Парвате, описал местные религиозные обычаи.

Побывал Никитин не раз и в столице тогдашней Индии — Бедере (Бидар): здесь торгуют конями, камкой, шёлком и другим подобным товаром, чёрными людьми, съестными вещами, овощами — для русской земли товара тут нет. Двор бедерского султана окружён стенами с семью воротами. В воротах сидят по сту сторожей да по сту писцов, которые записывают имена всех входящих и выходящих; иностранцев не пускают. Двор чудесный, всё в нём украшено изваяниями и золотом, и последний камень изваян и покрыт золотом. Ночью город стерегут 1000 человек: они ездят на конях, в доспехах, со светочами в руках.

Описывает Никитин выезд султана на прогулку во время байрама. Султан выехал с 12 великими визирями. С ними выехали 300 слонов, наряженных в булатные доспехи и в

окованные городки (кабинки на спине слона). На каждом слоне по 6 человек в доспехах с пушками и пищалями, а на «великом» слоне — 12 человек. На всяком слоне два больших знамени («прапорца»). К клыкам слонов привязаны огромные мечи весом по кентарю, а к «рылам» (хоботам) — по три железных гири. Между ушей посажен человек в доспехе с большим железным крюком для управления. Кроме слонов выехали 1000 коней без всадников, все в золоте, 100 верблюдов с барабанами, 300 трубачей, 300 плясунов, 300 наложниц. Султан ехал на коне, убранном в золото, в золотом седле. На султана кафтан весь «сажен» яхонтами, на его шапке-пишаке большой алмаз. Лук его («сагайдак») — из золота с яхонтами. Три сабли его кованы золотом. Перед султаном «скакал» (т. е. плясал) пеший индеец, играя «теремцом» (зонтиком), и за ним двигалось много пеших индейцев. Тут был и бешеный («благой») слон, весь наряженный в камку, с железною цепью во рту, идёт и «оббивает» коней и людей, чтобы не приступили близко к султану. Брат султана выехал на золотой «кровати» под бархатным балдахинном («теремом оксамитным») и т. д.

Так же подробно и точно описаны Афанасием Никитиным выезды хана Махмута, выезды на охоту султана и его братьев, выезды бояр и т. д.

В записках Никитина имеются также расспросные сведения о других местностях, где он сам не побывал: он упоминает Каликот (Каликут, в то время главная гавань на западном берегу Индии), Силян (остров Цейлон), Певлу (область Пегу на Индо-Китайском полуострове), Чин да Мачин (южная часть Китая) и Китай.

Умной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV—XVI вв. Выдающийся востоковед И. П. Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нём «не один драгоценный факт, важный для понимания старо-индийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию».¹

С места на место странствует Афанасий Никитин по Индии в торговых заботах. В городе Чунере Никитин остановился, чтобы продать жеребца, которого купил за 100 рублей. Местный хан ездит на людях, хотя у него

¹ «Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина». Журнал Министерства народного просвещения, 1881, № 6, стр. 166.

есть много слонов и хороших лошадей. Хан взял жеребца, но, узнав, что Никитин русский, стал склонять его перейти в магометанство: «а не станешь в веру нашу, и жеребца возьму и тысячу золотых на голове твоей возьму». К счастью для Никитина, в Чунер приехал некий хорасанин (господствующее племя в Индии), который заступился за него: освободил Афанасия и возвратил ему жеребца. Но Афанасий пришёл к печальному выводу. «Ино, братья русьстии, — восклицает он по этому поводу, — кто хочет пойти в Индейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да поиди в Гундунстаньскую землю». Любопытно, что итальянец Никола де Конти, побывавший в Индии в конце XV в., так и поступил: он принял магометанство и обзавёлся семьёй в Индии. Но Афанасия Никитина тянет на родину, он любит русскую землю. «Да сохранит бог землю русскую, — восклицает Никитин, — Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможи Русской земли несправедливы и не добры. Но да устроится Русская земля!.. Боже! Боже! Боже! Боже! Боже!» Из этих пяти призываний имени божьего: первое написано им по-арабски, второе по-персидски, третье и четвёртое по-русски, пятое по-татарски. На всех языках славит Никитин Русскую землю.

Таков был смелый, настойчивый, наблюдательный, предприимчивый русский путешественник Афанасий Никитин, умевший по достоинству оценить чужие обычаи и не изменивший своим.

На этом сношения русских с Индией не оборвались. В сентябре 1532 г. в Москву явилось посольство индийского султана Бабура, основателя империи «великих моголов». Бабур через своего посла «Хази Уссеина» (хаджи Хусейна) желал вступить в «дружбу и братство» с московским государем. В Москве ответили согласием на установление торговых сношений Индии и России, но, к несчастью, султан Бабур умер ещё тогда, когда посольство ехало в Москву, и оно закончилось ничем.

Насколько обстоятельными были сведения русских об Азии, показывает следующий рассказ в летописном сборнике XVI в.: «Стоит гора Арарат за Кавкасийскими и Иверскими горами, промеж трех морей: Черного, Бакинского и Индийского, на границе трех царств: Иверского, Турского и Персидского. Из-под нее вытекли реки во все три моря: в Черное море — Карась река, в Бакинское — Кур-

ская река, а Евфрат и Тигр потекли в Индийское море. Пройдя на запад от Арарата по Турским землям, можно прийти в Трапезонт, Цареград, Шам (арабское название Сирии) и Иерусалим; пойдя на восток от Арарата и Гурза (Грузии) по Хорасанским землям, можно прийти в Тиверись и в Спаган и в дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень в Вавилонское царство, можно прийти в Багдад, Сафат и в Аламаз... Между Евфратом и Тигром большое междуречье, много земли, гор, пустых полей и лесу... На Тигре бьются персы и турки за Магометова внука, а на Евфрате сидят арапы и мучат христиан-пустынников. Реки (Тигр и Евфрат) потекли на полдень и на полдне сошлись в одну реку; где сошлись они, там граница трех царств: Арапского, Турецкого и Персидского. Тут было царство Вавилонское и город Вавилон...» и т. д. Рассказ этот свидетельствует не только о широкой географической осведомлённости русских, но и о знакомстве их с политическими событиями Передней Азии: в частности, с начавшимися тогда войнами турок-суннитов и персов-шиитов.

С середины XV в. всё большее и большее значение приобретает в литературе публицистическая струя. Публицистика проникает в летопись, в историческое повествование; публицистические отступления встречаются даже в житиях святых и в богословской литературе. Как выдающиеся публицисты выдвигаются в конце XV и в начале XVI в. Вассиан Рыло, Иосиф Волоцкий, старец Филофей, Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, митрополит Даниил и многие другие.

Вопросы государственного устройства, социальной справедливости, церковного землевладения подвергаются открытому обсуждению в многочисленных посланиях и «словах». Вокруг этих вопросов разгораются выразительные и страстные споры. Горячих защитников находит себе крестьянство; суровому осуждению подвергаются богатые монастыри. Главный противник церковного землевладения — старец Нил Сорский высказывает в своих сочинениях высокую терпимость, гуманность, осуждает формальное отношение к священному писанию. В сочинениях Вассиана Патрикеева можно встретить первые высказывания против крепостной зависимости крестьян. Максим Грек, чей публицистический талант развился не без влияния знаменитого итальянского проповедника XV в. Савонароллы, которого он лично слушал во Флоренции, горячо обличал стяжательство монашества, выступал против раз-

личных суеверий, против увлечения астрологией и красочными чертами рисовал тяжёлое положение монастырского крестьянства, томимого «лихвами губительными», налогами и ростовщицеством.

Дух критики, строгая логика в аргументации своих мыслей и практическая трезвость определяли собой публицистические выступления конца XV—начала XVI в. Этому публицистическому направлению предстояло получить особенное развитие в середине XVI в.

Замечательной особенностью русской литературы эпохи образования русского национального государства была её исключительная идеологическая острота и целеустремлённость. Это была литература одной темы — темы русской земли. Мысль о русской земле не покидает Афанасия Никитина в Индии, русских путешественников в Италии и в «святой земле». Она ощутимо присутствует в описании последних дней Константинополя, независимость которого восстановит в будущем «русый» народ — русские. Она живёт полной силой в повестях о Куликовской победе и в сказаниях о борьбе с татарщиной.

К русской земле обращена вся лирика, вся полнота личных чувств русского писателя. Русская литература этого периода не знает любовной поэзии, интимных личных тем, обычной занимательности, сложной, рассчитанной на развлечение интриги. Она сурово подчинена единой общественной и государственной заботе. Она описывает только то, что реально существовало или существует, и отвергает вымысел. Если в литературные произведения и вносятся вымышленные детали, то им придаётся всё же исторический характер, они окружаются роем исторических припоминаний, создающих иллюзию их реального существования в прошлом.

Литературная культура высоко стояла на Руси в XV и в начале XVI в.